

Р. Джилы

(научный руководитель А. И. Вачева)

*Софийский университет им. Св. Климента Охридского
София, Болгария*

Концептуализация личности в дневнике Е. А. Штакеншнейдер

Аннотация: Елена Андреевна Штакеншнейдер (1836–1897) – автор интересного дневника, в котором она пишет о самых актуальных проблемах своей современности, о литературе и размышляет о своей личности. Текст не привлек внимание ученых – целью настоящей статьи является анализ «забытого» дневника Е. А. Штакеншнейдер. В исследовании подчеркиваются некоторые поэтологические характеристики эго-документа и его функции. Для писательницы дневник становится убежищем от чувства одиночества и средством определения ее женского автообраза.

Ключевые слова: Е. А. Штакеншнейдер, мемуаристика, дневник, женская идентичность, русская литература XIX века.

Россия второй половины XIX века характеризовалась радикальными трансформациями культурных парадигм общества. Отмена крепостного права (19 февраля 1861 г.), женский вопрос и нигилисты повлияли на менталитет современников. В литературе утверждение натуральной школы, а затем реализма изменили восприятие действительности читателей. Интересным письменным свидетельством этого динамичного и бурного периода русской истории является дневник Елены Андреевны Штакеншнейдер (1836–1897), «нетипичной» женской фигуры того времени. Целью данной статьи является анализ этого эго-документа, в котором писательница формирует свою идентичность на фоне тогдашнего живого историко-культурного контекста.

Е. А. Штакеншнейдер родилась и выросла в интеллектуально стимулирующей среде. Ее отцом был Андрей Иванович Штакеншнейдер, один из самых популярных архитекторов в Санкт-Петербурге, матерью – Мария Федоровна Холчинская, хозяйка литературных салонов, которые посещали такие выдающиеся писатели, как И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский и др. Несмотря на болезнь (искривление тазовых костей и крестца), сделавшую ее инвалидом, Е. А. Штакеншнейдер удалось занять видное место в культурной панораме второй половины XIX века. Как и ее мать, она создала литературный салон и приняла активное участие в первых инициативах, связанных с женской эмансипацией¹. К этому добавляется ее литературная деятельность. Е. А. Штакеншнейдер занималась переводами, была автором семейной хроники, путевых очерков, воспоминаний² и дневника, который является предметом настоящего исследования.

17 тетрадей этого эго-документа имеют трудную издательскую судьбу³, хотя некоторые его страницы были изданы еще в 1893 году в «Русском архиве» и в начале XX века в журналах «Русский вестник» и «Голос Минувшего» [Розанов, с. 24]⁴, интегральный текст до сих пор не опубликован⁵. Наиболее полным вариантом дневника можно считать издание, подготовленное

¹ Е. А. Штакеншнейдер приняла участие в создании Женской Издательской артели, о деятельности которой оставила свои воспоминания [Штакеншнейдер, с. 349–357]. Вдохновленное новыми идеями женской эмансипации и основанное в Петербурге в 1863 году, учреждение было первой женской издательской артелью в истории России, см. [Беренбаум].

² Опубликованы ее воспоминания «О возникновении и преждевременном конце Общества поощрения женского труда», «Как взяты были Ишугин, Ермолов и прочие», «П. Л. Лавров», «Из истории женского движения» и «О Достоевском».

³ К сожалению, некоторые рукописи дневника утеряны.

⁴ Отрывки из дневника Е. А. Штакеншнейдер были использованы также В. В. Стасовым для его книги «Надежда Васильевна Стасова», посвященной представительнице зародившегося женского движения [Розанов, с. 24].

⁵ В. А. Викторovich в статье «Испытание “практической философии”, или два учителя Елены Штакеншнейдер» анонсирует подготовку полного издания текста [Викторovich, с. 72], но проект еще не реализован.

и отредактированное И. Н. Розановым для издательства «Академия» в 1934 году [Штакеншнейдер]. Доступные дневниковые записи не оставляют сомнений в значительности и оригинальности эго-документа, однако текст не вызвал интереса ученых. Чаще всего он упоминается только в связи с содержащимся в нем портретами П. Л. Лаврова¹ и Ф. М. Достоевского². Больше внимание его анализу уделили только И. Н. Розанов в предисловии к вышеупомянутому изданию, А. Вачева [Вачева] и В. А. Викторovich [Викторovich]³. Отсутствие должного исследовательского внимания не означает, что дневник Елены Андреевны не следует интерпретировать с учетом особенностей жанра⁴. Для анализа поэтики дневниковой прозы можно считать релевантными следующие категории: способ ведения дневника, язык, адресат⁵ и репрезентация автобиографического «Я» [Автобиографическая практика, с. 9].

Что касается рассматриваемого текста, то мемуаристка вела свой дневник с 1855 по 1888 год. Она не писала систематически каждый день, и между одной записью и другой можно найти большие временные интервалы. В эго-документе всегда указывается дата, а в некоторых случаях за ней следует указание места написания страниц. Полиглот, Елена Андреевна⁶ пишет на русском языке. Для писательницы этот выбор важен, таким образом она утверждает свои патриотические чувства и любовь к России независимо от своего происхождения.

Е. А. Штакеншнейдер утверждает, что ведет свой дневник только для себя и даже опасается мысли показать свой текст другим: «Я стараюсь не заглядывать в себя, там взбаламучено, как в море, и там же темно горько. Кто будет читать этот дневник! Никто. При жизни не дам, а после моей смерти никто не даст себе труд довести до конца; и он пожелтеет и истлеет где-нибудь на чердаке. Но я все-так не брошу его» [Штакеншнейдер, с. 127]. Эти высказывания подчеркивают интимный характер дневника, но на других его страницах Елена Андреевна признается в противоположном желании иметь в будущем читательскую аудиторию: «Мне бы хотелось, чтобы через много, много лет, если уцелеют эти страницы, в них бы живо и верно отражалось нынешнее время» [Штакеншнейдер, с. 175]. На самом деле, этот автобиографический жанр написан с идеей реального или фиктивного адресата⁷. В анализируемом эго-документе это осознание возможного читателя отражается в наличии метадискурса. Мемуаристка часто обращается к дневнику как к собеседнику, которому объясняет свой выбор рассказывать одни эпизоды своей жизни и умалчивать о других: «Что я теперь думаю, я не скажу никому, даже дневнику моему» [Штакеншнейдер, с. 86].

Е. А. Штакеншнейдер начинает писать свой дневник по совету поэта Н. Ф. Щербины⁸. Поначалу к его ведению юная Елена Андреевна относится не очень серьезно. Иногда она даже жалуется на сложность такой практики: «Ну что писать, если всего писать не хочу» [Штакеншнейдер, с. 66]. Со временем, однако, эта письменная деятельность становится

¹ П. Л. Лавров (1823–1900) – математик, идеолог революционного народничества и литературный деятель.

² Эго-документ Е. А. Штакеншнейдер имеет схожую судьбу с дневником А. А. Олениной, который обычно упоминается лишь из-за описания А. С. Пушкина, сделанного мемуаристкой в тексте.

³ К этим спорадическим публикациям можно добавить статьи А. И. Индзинской, в которых исследовательница реконструирует отношения Е. А. Штакеншнейдер с супругами Достоевскими через ее дневник и письма, см. [Индзинская, 2015; Индзинская, 2019].

⁴ В отличие от автобиографии и мемуаров в дневнике отсутствует ретроспективный взгляд автора на свое прошлое. По мнению Ф. Лежена, отличительными чертами дневника являются прерывистость, аллюзивность, ненарративность и избыточность [Lejeune, с. 170].

⁵ Не все ученые согласны с включением этой категории. Например, Р. Калабрезе считает отсутствие адресата одной из главных характеристик дневниковой прозы. В данной статье принята позиция И. Савкиной, которая, наоборот, считает, что наличие адресата является элементом, характеризующим особенно женские дневники. Исследовательница пишет: «Важным признаком женских дневников является их адресованность» [Савкина, с. 181].

⁶ Мемуаристка знает немецкий, французский и английский языки.

⁷ Мы знаем, что среди читателей дневника Е. А. Штакеншнейдер были поэт Я. П. Полонский и Ф. М. Достоевский.

⁸ Н. Ф. Щербина (1821–1869) – поэт, известный в то время своим поэтическим сборником «Греческие стихотворения» (1851).

важным аспектом ее жизни, сравнимым с неизлечимой болезнью: «Дневник – болезнь хроническая, от него и годы не спасают» [Штакеншнейдер, с. 342]. Мемуаристка доверяет страницам своего дневника задачу сохранения памяти и своих впечатлений от необыкновенных исторических событий и персонажей, оживляющих окружающую ее действительность, но эго-документ также выполняет и другие функции для его автора.

Елена Андреевна жила в период великих перемен, реформ и протестов. Тем не менее, несмотря на сильное интеллектуальное, политическое и культурное брожение эпохи, женщины продолжали ограничиваться ролями «жены» и «матери». Состояние здоровья не позволило Е. А. Штакеншнейдер следовать «традиционной» женской судьбе. Это превратило ее в женскую фигуру вне социальных норм и культурных кодов. Уже с первых страниц дневника видно осознание писательницы невозможности вести «нормальную» жизнь: «Я <...> чувствую себя, как чувствовала бы маленькая девочка, которую старшие исключили из своей компании, а иногда я кажусь себе и старухой, которая глядит на веселящуюся молодежь; но чаще чувствую себя птицей с подрезанными крыльями. Мне очень хочется тоже играть, делать, что они все делают» [Штакеншнейдер, с. 93]. Этими простыми и ясными сравнениями Елена Андреевна выражает свое чувство одиночества и печали от исключенности из окружающего мира. Мемуаристка не скрывает, что часто чувствует себя непонятой как в семейной сфере, так и в обществе. Она находит убежище от этой неудовлетворительной жизни в дневнике, единственном пространстве, где она ощущает, что может полностью выразить свои эмоции и идеи: «Пишу я прямо набело, без всяких поправок, тут, на этих страницах, что придет в голову, а говорить так не умею» [Штакеншнейдер, с. 342].

Дневник также фиксирует трансформацию отношения Елены Андреевны к ее нетипичному положению. Она начинает считать свою исключительность силой. Благодаря болезни ее не занимают танцы и легкомыслия сверстников. Наоборот, ее недуг позволяет ей часто посещать среды, обычно считающиеся «мужскими», где говорят о политике, философии и литературе. Она пишет: «Я так привыкла к обществу мужчин и к их спорам, что мне просто лень говорить с дамами» [Штакеншнейдер, с. 130]. Этим провокативным заявлением мемуаристка хочет оправдать свой поиск альтернативной женской роли и свою попытку преодолеть четкие гендерные границы, существующие в XIX веке. Таким образом, в дневнике она философствует и включает свои соображения на «мужские» темы, такие как политические вопросы. Например, Елена Андреевна приветствует отмену крепостного права, обсуждает внешнюю политику (войны, Польское восстание 1863 года и др.) и с тревогой относится к студенческим бунтам и распространению нигилизма. Но прежде всего она пытается занять место в литературе, где доминируют мужчины. Фактически, ипостась ее личности, которая наиболее отчетливо проявляется при чтении эго-документа, – это Елена Андреевна как читательница и литературный критик. Еще в юности она признает, что литература имеет в ее жизни «спасительную» роль: «Но ведь книга – мой единственный друг, который мне объясняет непонятное, или разгоняет мучающие мысли и заменяет их другими, иногда таким новым и чудными» [Штакеншнейдер, с. 57]. Книги становятся ее утешением, и она строит вокруг них свою жизнь. Доказательством этому являются многочисленные упомянутые литературные произведения и цитаты, обогащающие страницы ее дневника¹. Мемуаристка не ограничивается чтением, а анализирует и комментирует прозу, стихи и новейшие литературные явления. В этой концептуализации своего автообраза Елена Андреевна постоянно подчеркивает независимость своих суждений и нередко критикует общепринятое мнение: «Что же касается остальных исполнителей, то тут я опять узнала и поняла мою публику. Не нужно ей лучшего, дайте только то, что бросается в глаза и что в моде» [Штакеншнейдер, с. 270]. Ее нонконформистские суждения о литературе являются признаком достигнутой гордости ее «нетипичностью». Более того, они дают ей возможность высказывать острые критические взгляды. Например, она является одной из первых, кто высоко оценил

¹ Е. А. Штакеншнейдер читает зарубежную литературу (И. В. Гете, Х. Гейне, Ф. Шиллер, А. Дюма, У. Шекспир, Ч. Диккенс) и современную ей русскую литературу.

талант Ф. М. Достоевского задолго до его литературного успеха [см. Индзинская, 2019]. Часто поражает острота ее наблюдений¹: «Е. А. Штакеншнейдер по глубине анализа ничуть не уступала профессиональной литературной критике» [Викторович, с. 143] – комментирует В. А. Викторович.

Литературная пронизательность мемуаристики наблюдается также в ее размышлениях о дневнике героини тургеневского романа «Накануне»: «Лавров сказал одно только, что он не понимает, как могла Елена писать такой дневник, и даже вообще дневник. <...> Он видел мало связи, мало общего между Еленой, какою изобразил ее Тургенев, и Еленой, какою являлась она в своем дневнике. Между тем мне кажется, что и я в жизни и в дневнике не одна и та же. <...> Тургеневу просто надо было показать ее внутренний мир» [Штакеншнейдер, с. 265]. За много лет до появления гендерных исследований, которые неоднократно подчеркивают значимость эго-документов для женской самосознания личности, Е. А. Штакеншнейдер очень четко обозначает эту функцию автобиографической и мемуарной прозы. Она признает, что в своих дневниках женщины обретают место, в котором они могут построить свою индивидуальность и размышлять о ней, а не носить маски, которых требует общественная жизнь.

Таким образом, дневник Елены Андреевны – это не просто текст, фиксирующий течение дней. Он является тем пространством, в котором мемуаристка находит эмоциональное убежище, анализирует себя и концептуализирует свою «альтернативную» женскую идентичность.

Литература

Автобиографическая практика в России и во Франции. Сб. ст. под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. М. : ИМЛИ РАН, 2006.

Баренбаум И. Е. Женская издательская артель // Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург-Ленинград. Л. : Лениздат, 1986.

Вачева А. Литературная жизнь 1850-х годов в записках Елены Штакеншнейдер (1836–1897) // Русистика сегодня: традиции и перспективы. Юбилейная международная научная конференция. София : Тип-топ прес, 2017. С. 472–479.

Викторович В. А. Испытание «практической философии», или два учителя Елены Штакеншнейдер // Неизвестный Достоевский. 2017. №2. С. 71–95.

Индзинская А. В. «Вся ваша и с костылями Е. Штакеншнейдер»: переписка Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. 2015. № 4. С. 34–39.

Индзинская А. В. Ф. М. Достоевский в переписке Е. А. Штакеншнейдер с Я. П. Полонским // Неизвестный Достоевский. 2019. № 4. С. 139–158.

Розанов И. Н. Елена Андреевна Штакеншнейдер и ее дневник // Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1856). Л. : Академия, 1934. С. 7–27.

Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные тексты в русской литературе первой половины XIX века. М. : НЛЮ, 2007. С. 440.

Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1856). Л. : Академия, 1934. С. 585.

Lejeune Ph. On Diary. Honolulu : University of Hawaii Press, 2009.

Gigli R. Conceptualization of the Self in the Diary of E. A. Stakensneider

Abstract. Elena Andreevna Stackenschneider (1836–1897) is the author of an interesting diary, in which she writes about crucial problems of her time and reflects on her personality. However, this text has not attracted the attention of researchers. The aim of this article is to analyse E. A. Stackenschneider's "forgotten" diary, by underling some its characteristics and functions. Thanks to the ego-document the author defies loneliness and defines her feminine self-image.

Keywords: E. A. Stackenschneider, memoirs, diary, female identity, 19th-century Russian literature.

¹ Например, «бывали авторы, которые правдоподобные вещи рассказывали неправдоподобно, Гоголь неправдоподобные рассказывает правдоподобно» [Штакеншнейдер, с. 142].